

ВЛАДИМИР СПИВАКОВ: «Я СЧАСТЛИВ, НО ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ»

НА ПОСЛЕДНЕМ Международном московском кинофестивале в конкурсной программе была представлена картина Владимира Машкова «Папа!». Примечательно, что музыкальным консультантом в ней выступил дирижер и скрипач Владимир Спиваков.

Энергия заблуждения

- Владимир Теодорович, как получилось, что вы попали в кинопроект? Ведь, уж извините, музыкантов много, почему Машков выбрал именно вас?

- Володя однажды предложил мне встретиться, поговорить. Мне показалась интересной идея фильма. А потом, Володя меня просто покорила своей увлеченностью и бешеной импульсивной энергией заблуждения, которая владеет им. Музыкантов действительно много, но дать нужные советы Машкову не многие бы смогли в силу разных причин. Он весь фильм мне рассказывал по кадрам: «Вот, в этом месте должна быть такая и такая музыка, прикинь, что это могло бы быть?» А у меня огромная коллекция записей - и, конечно, мне было просто подобрать то, что Володя хотел. Правда, из-за проблем с авторскими правами и ограниченного бюджета пришлось в основном делать выбор в пользу произведений композиторов умерших и зарубежных... Естественно, по некоторым вещам мы жестко спорили, но я понимаю, что право решать остается исключительно за режиссером.

В фильме, кстати, есть история, когда отец героя, маленького музыканта, считает спички в коробке - сколько спичек, столько мальчик должен сыграть пассажей. Это рассказ о моем отце - так он считал и мои пассажи...

- Вы уже, наверное, видели фильм? Как он вам?

- Я очень доволен. Получилась трогательная история. Мне кажется, в наше время, когда сердца человеческие очерствели, этот фильм поможет зрителю хотя бы на время сбросить защитную маску, которую каждый из нас носит поневоле.

- Правда, что Машков благодаря вам нашел для своего фильма исполнителя роли главного героя в детском возрасте?

- Да. Этот чудный мальчик, Андрей Розендент, - ребенок моего фонда. Когда еще маленьким он вцепился в свою скрипку со словами «я с ней сплю», я понял, что этот человек внутренне очень богат. Володя Машков тоже любит таких одержимых...

«Музыка - это осознание правоты»

- В прошлом году вы возглавили в Москве Международный дом музыки. Вас обижает ревность коллег? Например, один питерский «филармонический» работник подсчитал ваш оклад...

- Конечно, часто бывает обидно, хотя я уже давно никаких иллюзий не питаю... Но я что, должен афишировать, что у меня, между прочим, нет машины и нет дачи, что я по-прежнему отдаю в

Благодаря музыке маэстро очень остро чувствует вечность

фонд часть своих западных гонораров? Я не буду этого делать...

- И даже в глубине души не осуждаете этих людей?

- Знаете, не считаю для себя возможным судить других. У каждого человека должен быть внутренний нравственный закон. И если его у кого-то нет, это его проблемы. Знаете, Мандельштам говорил: «Поэзия - это осознание правоты». А для меня осознание правоты - музыка...

вечность. Осознав, как тонка грань между жизнью и смертью, стараешься отдать людям как можно больше любви и самому испытать любовь ко всему - к солнцу, встающему над морем, к дереву, склонившемуся над рекой... Это дает ощущение духовного умиротворения.

- Это и есть счастье?..

- Знаете, Чайковский в одном письме к фон Мекк написал: «Я счастлив и свободен, но почему-то ужасно хочется плакать»...

- Ваша новая должность предполагает некоторый конформизм. Вы легко идете на компромиссы?

- Без компромиссов невозможно прожить жизнь. Конечно, я иду на них, если только они не противоречат моим убеждениям.

- После вашего ухода с должности художественного руководителя Российского национального оркестра столичная пресса живо обсуждала скандал между вами и руководителями РНО.

- Это журналисты раздули. На самом деле никакого конфликта не было. А был хороший пиарход. Директор РНО воспользовался ситуацией и со свойственными ему деловыми качествами запустил в продажу эту историю...

- Но разве вы сами не провоцировали конфликт, дав своему новому оркестру почти идентичное название - Национальный филармонический оркестр?

- Я отнюдь не провоцирую. Но действительно, наш оркестр, созданный при поддержке Министерства культуры и российских компаний, - первый национальный оркестр в России. А РНО, хотя и использует в своем названии слово «национальный», однако финансируется американскими компаниями... Понимаете?

Тонкая грань между жизнью и смертью

- Владимир Теодорович, в сентябре у вас шестидесятилетний юбилей. Это что-то для вас значит?

- Смотря что вы имеете в виду. Если вы говорите об этом как о событии - то нет, для меня это не событие, а лишь очередной день рождения. А если вы хотите спросить, ощущаю ли я свой возраст, то нет - не ощущаю. Конечно, в силу возраста я теперь больше буду отдавать себя дирижированию, а не скрипке. Но если смотреть глубже - мне по-прежнему многое интересно, и каждый день я по-прежнему воспринимаю как еще один подарок судьбы...

- Вы однажды подписали книгу пожеланием просветленного взгляда на мир... Вам самому удается сохранить этот «просветленный взгляд»?

- Да, благодаря музыке я имею счастье почувствовать

Питер снится по ночам

- В определенном возрасте все чаще возвращаешься в детство...

- Я никогда не забывал своего детства, оно всегда ко мне возвращалось... Я как дерево, которое, куда бы его ни пересаживали, всегда помнит свое первое место. Разве я могу забыть все те места в Петербурге, где я жил маленьким? Сейчас я останавливаюсь в «Европе», но Петербург для меня навсегда - это та первая коммуналка, где у нас была очень маленькая комнатка, отец с дивана ногой качал кровать моей сестры. Я никогда не забуду, как в этой международной квартире - а в ней жили и евреи, и татары, и русские - справляли все вместе на кухне национальные праздники...

Мне никогда не забыть, как ходил в детский сад у Технологического института, куда меня водила наша соседка. Я все время вспоминаю утренний заснеженный Ленинград, троллейбусную остановку на Литейном, себя, сонного, державшегося за тяжелое драповое пальто соседки, в ожидании троллейбуса, который отвезет меня до Техноложки... И вечера, когда уже всех детей забирали, а я оставался один с морской свинкой...

В Питере я впервые влюбился - она училась в Вагановском училище, тоненькая была, мне казалась какой-то беззащитной...

- И вы никогда не возвращаетесь в места детства?

- Сейчас, когда приезжаю в Питер, я настолько занят работой, что мне хочется только, чтобы меня никто не трогал. Но я всегда очень любил Русский музей, Эрмитаж, обожал маленькие улочки, вроде улицы Росси. «Зодчий, ваша улица так коротка...» И, конечно, площадь Искусств... Питер для меня - это и те петербуржцы, с которыми я дружил, и Ахматова, которую я обожал, и Бродский... Наверное, поэтому Питер мне очень часто снится. Снятся места, по которым я гуляю, кони Клодта, дом на Мойке, 12. Я помню, как приехал в Музей-квартиру Пушкина Игорь Стравинский, и когда он склонился над смертной маской Пушкина, у всех вернулись слезы.

- У каждого города своя музыка. Как для вас звучит Петербург?

- Это, конечно же, классика. Но не баховские фуги - барокко, Моцарт, Россини и Шостакович.

Елена НАДЕЖДИНА

Спиваков Владимир
30.06.2004